

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЦЕЛОГО ТЕКСТА

При подборе наиболее адекватных единиц в процессе перевода текста любого жанра и любой степени сложности переводчик всегда сталкивается с проблемой лингвистической относительности, несовпадения лексических и грамматических значений в разных языках. Поиски соответствий при переводе ведутся, как известно, несколькими путями и предполагают, при отсутствии прямого лексического эквивалента, определённые переводческие трансформации [3, 5, 6]. Это прежде всего трансформация развертывания структур номинационного ряда для максимально дискретного и эксплицитного представления компонентов значения всех присутствующих в тексте единиц.

Наиболее полно описана трансформация для моделированных слов — производных и сложнопроизводных. При их переводе трансформация совпадает с обратным моделированием, т. е. развертыванием производного слова по его модели до исходного мотивирующего суждения, лежащего в его основе и изоморфно выражающего пропозицию, которая, в свою очередь, отражает организацию участников действия в ситуации реальной действительности [1: 37].

Как правило, исходное предложение частично или полностью совпадает с суждением-дефиницией, которое регистрируется в толковых словарях. Не всегда требуется доводить такую трансформацию до конца — до предложения, хотя именно оно является основным вариантом, наиболее полно представляющим семантический инвариант — пропозицию. Переключение в другую языковую систему, т. е. перевод, возможно и на других уровнях (словосочетания различной глубины и степени сложности), если единицы этих уровней являются вариантами единого обозначения. Употребление нескольких вариантов обозначения в одном отрезке текста (контактный или дистантный лексико-грамматический повтор) является закономерным явлением, обеспечивающим развертывание информации и связь между отдельными частями текста. Это облегчает задачу переводчика, который в каждом отдельном случае может выбирать из набора вариантов дан-

ного семантического инварианта на языке перевода наиболее подходящий [4]. В такие наборы в обоих языках могут входить не только синтаксические дериваты, но и их функциональные аналоги на каждом уровне языковой системы, что расширяет варьирование средств перевода. Интересно отметить, что даже в случае когда тематика текста (скачки), казалось бы, позволяет выбрать вариант, который в определённой мере является терминологическим соответствием, в переводе могут использоваться и другие варианты (*rider* — жокей, но в тексте перевода книги Дика Фрэнсиса "Фаворит", где действие происходит на скачках, встречается и "ездок" и "наездник"). Эти слова и конструкции могут в свою очередь парадигматически соотноситься с другими словами и конструкциями, встречающимися в английском тексте, что позволяет студентам воссоздать наборы средств номинации в обоих языках и определить репертуар средств перевода, а также более четко определить тематическую картину целого текста.

Сравнительно несложно определить ареал средств перевода для мотивированных слов, когда их мотивация во многих случаях сохраняется или дублируется. Гораздо сложнее обстоит дело с первичными именами. Однако и здесь "атомизация значения" [9], представленная в частности дефиницией толкового словаря, может служить основой для подбора (или создания) эквивалента в языке перевода. *Aghast, I saw the flurry of chestnut legs threshing the air.* [10: 6] — *Поражённый, я увидел стремительное мелькание гнедых ног, колотящих по воздуху...* [7: 464].

Закономерности применения упомянутых трансформаций при переводе ограничены рядом семантических и прагматических факторов. Так, слова, обозначающие так называемые лингвострановедческие реалии, даже будучи мотивированными производными, передаются с помощью знаков языка перевода, подобранных другим путём. Здесь может возобладать тенденция к сохранению лингвистического уровня соответствия — однословности. Далее мы рассмотрим некоторые способы перевода таких слов.

Прагматические ограничения могут быть обусловлены любым из шести факторов акта коммуникации [8: 198]. Например, эмотивная функция, ориентированная на адресанта, определяет регистр сообщения, т. е. текста на языке перевода, что, безусловно, накладывает ограничения на выбор средств перевода, особенно при переводе повествования от первого лица и диалога. Пример ниже показывает не совсем точный выбор средств (несоблюдение эллипсиса) при пере-

воде непринужденного разговора разных по социальной роли коммуникантов: *I'll meet you in the winner's enclosure', he said [10: 145]. — Я тебя встречу на почетном кругу для победителей [7: 611].*

Ориентация на референт (контекст) предопределяет выбор тематически ограниченных средств, терминологизированных слов и терминов. Коннативный фактор обычно обуславливает взаимодействие единиц различных уровней в системах русского и английского языков, так как ориентация на степень фоновых знаний адресата, как правило, предполагает более развернутую конструкцию в языке перевода. Ориентация на ход означает при переводе необходимость выбора средства перевода из той части репертуара, которая представлена просторечием, жаргонизмами, диалектизмами и т. д. *He's not a very good jumper, Pete says [10: 226]. — Он ведь ещё не очень наработан, как говорит Пит [7: 691].* Фактор контакта, т. е. письменный перевод текста, также регулирует выбор средств из соответствующего функционального стиля письменной речи. Наибольшую трудность при переводе вызывают ограничения, налагаемые поэтической функцией языка. Так, переводчикам редко удается передать аллитерацию, свойственную заголовкам английских текстов. *Jane Austen. Pride and Prejudice. Sense and Sensibility. — Джейн Остин. Гордость и предубеждение. Чувство и рассудительность.*

К сожалению, общей классификации ограничений, налагаемых различными факторами речевого акта, пока не существует, и многие переводчики осознают их скорее интуитивно, предваряя свою работу по переводу чтением текстов, сходных по тематике и жанру, на родном языке. Своеобразный каталог коммуникативных соответствий для обучения студентов факультетов иностранных языков должен вырабатываться в рамках функционально-семантического подхода на основе справочной литературы типа Роже и Активатора, а также двуязычных словарей, в своей основе построенных по тематическому принципу.

Двуязычные словари с функционально-семантической рубрикацией еще не созданы. Их создание необходимо должно опираться на систему функционально-семантических полей, каждое из которых могло бы строиться на основе данных других словарей и дено-татных карт, предлагаемых психологами [2: 25], а также включало бы функциональные аналоги наименования в других регистрах и стилях. Объединение этих полей в системы (тематические или категориальные) позволит создать словарь, который будет демонстрировать как

изоморфизм понятийных долей семантики, так и расхождение лексического фона в каждом функциональном стиле и регистре. Такой словарь поможет обеспечить эквивалентность перевода, в первую очередь нехудожественного текста (но в значительной мере и художественных произведений).

Для иллюстрации наших рассуждений обратимся к переводу группы терминов, составляющих сюжетный фон уже упомянутого романа "Фаворит", автор которого, бывший профессиональный жокей, строит интригу на материале скачек. Чёткое терминологическое уяснение отдельных деталей текста важно для правильного понимания содержания произведения (даже в оригинале). Однако конные состязания в общественном сознании англичан занимают больше места, чем у нас. Потому важно адекватно перевести конно-спортивные термины на русский язык. Казалось бы, в этой предметной области должен существовать изоморфизм семантических полей и средств номинации. И даже с учетом лингвистических ограничений (английский текст допускает большее количество прямых повторов, чем русский) можно предположить, что термины будут иметь в переводе стабильные лексические эквиваленты. Однако этого не происходит. Наряду с гиперонимом *препятствие* для перевода *hurdle, fence, rails* недифференцированно употребляются слова *плетень; барьер, забор; ограда, канат, перила*. Особенно неудачно отсутствие дифференциации при переводе финального эпизода книги, когда герой мстит своему врагу, прижимая его на всем скаку к оgrade, от удара о которую тот получает травму и падает. А в переводе герой всего лишь прижимает соперника к канату.

Аналогичное отсутствие дифференциации наблюдается и при переводе слова *paddock*, которое почему-то транскрибируется или переводится как *загон, падок*. Обращение же к специальной литературе показывает, что значение *загон* сохраняется у этого слова при описании конного завода, а на ипподроме оно обозначает то, что по-русски называется *лужок*. Эти примеры убеждают в том, что установление областей функционально-семантических соответствий должно предшествовать переводческим трансформациям.

Очень важно придерживаться этого правила при переводе лингвострановедческих реалий. Основные способы перевода таких слов — объяснение или использование слова, обозначающего нечто близкое, калькирование и транслитерация (полная или частичная) — систематизированы в специальной литературе, однако факторы, регулирую-

ющие соотношение этих способов или выбор того или другого способа, не столь интересовали исследователей.

Объяснение направлено на объективацию лексического фона, который в безэквивалентной лексике составляет основную часть семемы [2: 21]. Хотя объяснение может принимать формы и чисто лексических трансформаций (известный пример: *public school* — не общественная школа, а частная), однако разворачивание информации часто осуществляется по тем же правилам, что и реконструкция словообразовательного акта, и зависит от того лексико-грамматическо-го разряда, в который входит данное слово-реалия. Поэтому точнее было бы относить этот приём к лексико-грамматическим трансформациям. Объяснение может сопровождать и другие приемы передачи безэквивалентной лексики.

Транслитерация в настоящее время почти вытеснена транскрибированием (за исключением сокращений) или сочетается с ним. Этот прием также очень часто требует объяснения, хотя бы в примечаниях или сносках. К сожалению, в современных изданиях транскрибирование не всегда производится корректно, что может вызывать параллельное существование нескольких вариантов, в свою очередь отличающихся от звукового образа в исходном языке.

*Гарантиями качества чая АКВАР являются исключительно высокие требования к используемому сырью, жесткое соблюдение технологии обработки, хранения и транспортировки чая. Каждая партия сырья контролируется опытными **тестесторами** [11].*

*Идем дальше. Вы готовите себе утренний чай, а, возможно, и завтрак для домочадцев. А знаете ли вы, что пару лет назад в Россию из Лондона приезжали специалисты чайной компании "Ахмад" — так называемые "**тестестеры**" (tea-testers) — и проводили здесь любопытное исследование? Они заваривали свой чай на разных бутилированных водах. <http://healthbook.ru/2007/06/22/ee-novoe-oruzhie-voda/> [12].*

При наличии в русском и в украинском языках таких слов, как *тест*, *тестирование* неизбежно возникает неточная ассоциация. Английское *teataster* должно звучать как титейстер, не говоря уже о том, что необходимость ещё одного заимствования представляется весьма спорной, несмотря на его однословность. Дегустатор чая — достаточно понятное и точное название.

Подводя итоги, можно отметить, что переводческий поиск, лексико-грамматические трансформации и определение переводческих эквивалентов должны базироваться на двуязычных словарях, пост-

роенных по функционально-семантическому принципу. В перспективе создание таких словарей должно способствовать улучшению качества перевода и совершенствованию принципов межкультурной коммуникации.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. *Предложение и его смысл*. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 384 с.
2. Вережагин Е. М., Костомаров В. Г. *Лингвострановедческая теория слова*. — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.
3. Виссон Л. *Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур*. — М.: Р. Валент, 2003. — 192 с.
4. Зимняя И. А. *Предметный анализ текста как продукта говорения // Смысловое восприятие речевого сообщения*. — М.: Наука, 1990. — С. 3—18.
5. Комиссаров В. Н. *Эвристическая ценность модели перевода // Сборник научных трудов: теория и практика перевода*. — Вып. 295. — М.: МГПИИЯ, 1987. — С. 8—16.
6. Пасинок В. Г. *Функції мови — функції перекладача // Вісник Харківського національного університету*. — № 726. — Харків: Константа, 2006. — С. 201—204.
7. Френсис Д. *Фаворит / Пер. С. Болотина и Т. Сикорской // Последний барьер*. — М.: Эксмо, 2003. — С. 221—438.
8. Якобсон Р. *Лингвистика и поэтика // Структурализм "за и против": Сб. ст.* — М.: Прогресс, 1975. — С. 193—230.
9. Bolinger D. *The The Atomization of Meaning // Language*. — Vol. 41. — № 4. — Baltimore, 1965. — P. 555—573.
10. Francis D. *Dead Cert*. — London: Pan books ltd, 1976. — 238p.
11. http://akbar.ru/index.php?lang_id=1&id=67&lenta=75
12. <http://healthbook.ru/2007/06/22/ee-novoe-oruzhie-voda/>